
ОБЗОРЫ

Наталья Пушкарева, Ирина Пушкарева

ЕЩЕ РАЗ О СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ И РАБОЧЕМ ВОПРОСЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Статья посвящена истории рабочего вопроса в России на рубеже XIX–XX вв. В качестве эмпирического материала использованы данные фабричной статистики начала XX в., архивные и историографические данные, обобщенные на исходе советского времени. Сопоставление этих материалов позволило выявить особенности реакции властей на индустриальные конфликты более чем столетней давности. Цель статьи — показать, как неспособность властей учитывать интересы наемных работников в ряду прочих значимых факторов способствовала переходу трудовых противоречий в забастовки и другие протестные действия, такие как шествия, митинги и распространение агитационной литературы. Особое внимание уделено роли законодательства и протоинститутов, которые могли бы представлять интересы рабочих. Делается вывод о том, что на рубеже веков идеи трехстороннего договора между государством, предпринимателями и объединениями работников даже не обсуждались, а отказ чиновников от компромиссов запустил механизм революционного ниспровержения власти. Раскрывается суть концепта спонтанной организованности российского массового движения как ответа на половинчатость и некомпетентность властей в сфере социальной политики, когда тысячи трудовых конфликтов послужили основой для городских, профессиональных и региональных стачек, участников которых объединяли социально значимые

Наталья Львовна Пушкарева — д. и. н., проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, гл. н. с., ИЭА РАН, Москва, Россия. Электронная почта: pushkarev@mail.ru

Ирина Михайловна Пушкарева — д. и. н., в. н. с., ИРИ РАН, Москва, Россия. Электронная почта: pushkarevy@mail.ru

цели и солидарность. Получив отклик в публичной сфере, рабочее протестное движение стало важнейшей доминантой социально-экономической и политической жизни страны, сыграв роль триггера революции и показав ограниченность мероприятий, направленных на улучшение условий жизни наемных работников.

Ключевые слова: рабочий вопрос в России, протестное движение XIX–XX вв., забастовки и стачки, социальная политика, история наемного труда

Цитирование: Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. (2025) Еще раз о социальной политике в отношении наемных работников и рабочем вопросе в России на рубеже XIX–XX вв. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (1): 167–184.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-1-167-184

Тема взаимоотношений российского рабочего класса с предпринимателями и правительством — одна из острых социально-политических проблем рубежа XIX–XX вв., возникшая в результате индустриальной революции — актуальна и сегодня, поскольку помогает исследовать характерные черты социальных групп и делать выводы о возможных сценариях развития общества. Социальные процессы полуторавековой давности связаны со стремительным ростом числа наемных работников. В стране, богатой природными ресурсами, нищенское положение сотен тысяч людей усугублялось их неспособностью противостоять произвольным вычетам и штрафам со стороны предпринимателей, чрезмерной продолжительности рабочего дня, отсутствию охраны труда, социального страхования и медицинской помощи, а также профсоюзов, способных защищать их интересы. Учреждение фабричной инспекции в 1885 г., созданной для регулирования отношений между рабочими и предпринимателями и предотвращения нарушения прав наемных работников, не принесло заметного улучшения условий жизни и не остановило попыток рабочих протестовать против несправедливости. Число забастовок продолжало расти. «Рабочий вопрос» стал одним из самых острых во внутренней политике правительства.

Уточнение понятийных категорий в изучении наемного труда

Фабричная инспекция Министерства финансов в России, сформулировав в 1895 г. требование о тщательной регистрации случаев прекращения трудовой деятельности рабочими, стремилась выявить повторяемость протестов и их причины в разных городах страны. Беспокойство инспекции вызывала возрастающая солидарность рабочих в протестных действиях. Социальная политика, основанная на «замерах» общественного недовольства на фабриках, была направлена на предотвращение объединения стачек на отдельных

предприятиях в общую протестную волну, для которой характерны единство действий и схожие формы выражения недовольства.

Изучению рабочих протестов в царской России посвящено множество статей и книг. Однако смена парадигм в 1990-е гг., а вместе с ними и научных приоритетов в гуманитарных исследованиях, привела к практически полному «забвению» этого направления в изучении российского прошлого. История дореволюционного рабочего класса оказалась скомпрометированной из-за тесной связи с историей РСДРП (Соколов 1998/1999). Пренебрежительное отношение к истории многомиллионной части российского населения проявилось в игнорировании истории повседневности трудящихся на предприятиях, а также в недостаточном внимании к формам их протеста, оппозиционности, солидарности и коллективизма. Новейшая историография продолжает обходить историю рабочего движения стороной (Пушкарева, Пушкарева 2004).

Интерес к «рабочей теме» ранее предполагал изучение материалов фабричной статистики, которую с 1905 г. курировал старший фабричный инспектор Министерства финансов Василий Егорович Варзар. Социальная политика в отношении наемных работников основывалась именно на цифрах, сообщаемых региональными фабричными инспекторами; они обобщили сведения о стачках в 1895–1904 гг. по 58 губерниям и областям Европейской части страны. Основное внимание уделялось «потерянным» рабочим дням на крупных предприятиях, где трудились высококвалифицированные и грамотные рабочие (Варзар 1905). Однако вне поля зрения оставались инициаторы производственных конфликтов, вопросы повседневной жизни рабочих и причины их недовольства.

Получить доступ к этим данным нелегко: обширная источниковая база десятилетиями оставалась разрозненной в архивах по всей стране. В начале 1980-х гг. группа российских исследователей из более чем ста архивов бывшего СССР по крупицам собрала данные о выступлениях рабочих в 1895–1904 гг. и опубликовала под редакцией одного из авторов данной статьи хронологический перечень событий (РД 1992–2008). Это позволило пересмотреть «варзаровские» показатели общероссийского протестного потенциала (Пушкарева 2011; Михайлов 2009). Однако число исследований по истории рабочего движения после этой публикации почти не прибавилось. Цель настоящей статьи — возродить макроподход к изучению рабочих протестов в стране, связать их с социальной политикой того времени, уточнить понятийные категории и представить обновленную оценку предпосылок революции 1905–1907 гг.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался обострением социальных противоречий и ростом общественной активности. Какая часть непривилегированного населения проявляла интерес к оппозиционным идеям? Ответ на этот вопрос содержится в статистических данных о стачках. Согласно этим сведениям, с 1895 по 1904 г. в 81 губернии и области России зафиксировано свыше

восми тыс. трудовых конфликтов, охвативших 1,5 млн горожан, которые представляли интересы более десяти млн наемных работников по всей стране. Новые данные, охватывающие все отрасли российского производства, показывают, что число участников рабочих протестов было в 3,6 раза больше, чем считалось ранее, а количество трудовых конфликтов — почти в пять раз больше. За десятилетие 1895–1904 г.г. доля стачечников составила 16% от общего числа рабочих. Железнодорожники также выражали недовольство — их участие в стачках достигало 33,2%, однако фабричная инспекция фиксировала это далеко не всегда (Пушкарева 1975: 51,79).

Нет однозначного ответа на вопрос, почему одни рабочие участвовали в стачках, а другие нет; что побуждало одних к «молчанию» и штрейкбрехерству, а других — к забастовочной активности. Латентные формы протестов и социопсихологические мотивы остаются недостаточно изученными. Доклады фабричной инспекции свидетельствуют, что почти все меры социальной политики вызывали у рабочих недоверие. Уже в первые недели работы грамотные сотрудники подавали прошения, нередко «в категорической форме при убеждении в правоте» (такое определение понятия "требование" дает лингвистика) (Ожегов 1973: 742). Эта форма протеста предшествовала переходу к более жестким притязаниям, а при их игнорировании — к забастовкам. В то же время значительная часть неграмотных рабочих проявляла склонность к «доверительному разговору с хозяевами» (Варзар 1905: 25).

Обращение к панораме рабочего движения требует применения методики триангуляции — перепроверки данных из различных источников, включая документы, связанные с деятельностью политических партий в регионах (Пушкарева 2011: 157–158). Анализ дисперсии стачечников по 81 губернии и области России в 1895–1904 гг. показал, что треть губерний на Северо-Западе, Кавказе и в Центре страны обеспечила 90% участников протестов (Михайлов 2009: 27, 30), тогда как рабочие из остальных двух третей регионов редко включались в общую борьбу. Эти данные опровергают сложившуюся в советской историографии картину всеобщей поддержки забастовщиков, которая ранее считалась аксиомой.

От стихийных протестов к организованности

Предреволюционное десятилетие 1895–1904 гг. можно разделить на два этапа: 1) 1895–1899 гг.: период отсутствия тесной связи между рабочей партией и собственно рабочими; 2) 1900–1904 гг.: период нарастания рабочего движения и возникающей связи его с РСДРП.

Первый период открыла стачка на Ярославской Большой мануфактуре в апреле-мае 1895 г., в которой участвовали около десяти тыс. чел. Конфликт был погашен благодаря гибкости управленческой верхушки, применившей инновационные меры социальной политики: на мануфактуре работало множество женщин, отличавшихся грамотностью и профессионализмом

(Пушкарёва 2011: 343). Им были обещаны улучшения оплаты труда, поощрения и изменение условий работы (Туган-Барановский 1997: 413–429). План оказался успешным — после удовлетворения требований на предприятии долго не возникало конфликтов (Бородкин и др. 2010: 128). Однако в большинстве случаев «социальная политика» сводилась не к улучшению условий труда и быта рабочих, а к размещению полицейских постов на территории предприятий с целью слежки за рабочими.

Характерная черта российского рынка промышленного труда — использование большого числа неквалифицированных рабочих с низкой зарплатой и нерегламентированным рабочим днем, выражающих несогласие с условиями труда актами вандализма. Подобные реакции являлись следствием убогости социальной политики и упорного отказа администраций обсуждать и выполнять просьбы работников. Однако на рынке труда присутствовали и «сознательные» рабочие, способные формулировать коллективные требования. Среди них встречались и грамотные женщины, на которых оказывала влияние городская культурная среда. Эти работницы нередко призывали к сохранению фабричного имущества и более конструктивным формам протеста (Туманова 2019: 105).

Но остановить рост протестного потенциала оказалось невозможным: за четыре года количество стачек увеличилось в четыре раза (с 281 в 1895 г. до 784 в 1899 г.), а число бастующих по стране возросло вдвое. Участники крупных протестных выступлений составляли более 60 % от общего числа забастовщиков (РД-3 1897). Фабричная инспекция объясняла это явление «наследием общинной круговой поруки» (Янжул 1907: 215; Данилова, Данилов 1996: 22–39). Однако немалую роль играла и концентрация крупных производств, где агитацию вести проще. К 1900 г. коллективные стачки стали ведущим трендом российского рабочего движения (Koenker, Rosenberg 2016: 7).

В 1890-е г.г. рабочее движение в России оказалось под влиянием западных веяний. Из Европы пришла традиция отмечать Первое мая как день солидарности международного пролетариата. На первомайской демонстрации в Варшаве в 1896 г. впервые в России прозвучал лозунг «Долой самодержавие!». Вслед за этим в нелегальные первомайские собрания начали втягиваться рабочие Иваново-Вознесенска, Петербурга и других городов. С «польским влиянием» связывают также появление в 1890-е гг. легальных рабочих обществ взаимопомощи. Процесс сопровождался конфликтами с местными властями, особенно в столице (Карусева 2016), и совпал с нарастающим общественным подъемом.

В этой атмосфере в вечерних школах для рабочих зародилась одна из крупнейших коллективных профессиональных стачек текстильщиков Петербурга, которая открыла серию протестов, названных позднее «промышленной войной». Это первое в России массовое выражение недовольства социальной политикой властей с едиными для всех текстильщиков

страны требованиями. Стачка началась после коронационных торжеств середины мая 1896 г., став символическим напоминанием новому императору о нерешенном рабочем вопросе. Поводом для нее стал отказ владельцев двух текстильных предприятий выплатить рабочим деньги за дни простоя фабрик, объявленных нерабочими в связи с коронацией.

Текстильщики составляли треть всех рабочих фабрично-заводской индустрии страны, причем большинство из них было занято на предприятиях Петербургской губернии. Поддержка протеста со стороны 83 % местных работников превратила стачку в общенациональный прецедент (Пушкарева 2011: 64, 68, 347). Основным требованием текстильщиков стало введение 12-часового рабочего дня с полуторачасовым обеденным перерывом. Также возмущение вызывал крайне низкий уровень и зарплаты: 15 руб. в мес. у мужчин и 9 руб. у женщин при 15-часовом рабочем дне (РД-2 1896: 55–70).

По словам фабричных инспекторов, стачка началась «скопом объединившихся недовольством» и в первые часы сопровождалась «буйством и насилиями». Однако с появлением инициативных рабочих групп, забастовщики проявили «спонтанную организованность» (Пушкарева 2011: 349; Tilly 1978: 52–84, 151). После объявления о том, что «всякое оскорбление власти будет прекращено военной силой», на место конфликта прибыло двести казаков, которые помогли выявить зачинщиков. В результате 80 самых активных участников арестовали и отправили в тюрьму, а остальным запретили искать работу в столице.

Тем не менее выступление текстильщиков стало победным: оно ускорило принятие правительством закона о сокращении рабочего дня до 11,4 часа для дневной смены на фабриках и заводах, а также регламентировавшего сверхурочные работы (РГИА). Однако закон обошел стороной рабочих, занятых в транспорте, горнодобывающей промышленности и слабомеханизированных производственных отраслях. Шаг навстречу социальной защите трудящихся фактически нивелирован Циркуляром МВД от 12.08.1897 г., который усилил наказания за самовольный уход с работы, устанавливая для стачечников тюремное заключение до четырех месяцев, а для организаторов стачек — до восьми месяцев (Проект Уложения 1871: 1358, 1358/1, 1359).

Весна 1898 г. в столице ознаменовалась участием рабочих в новых «майских кампаниях» (Дякин 1972: 220). Власти были обеспокоены ростом числа демонстраций, связью рабочих с «тайными организациями» и формированием «боевых групп» из числа «зачинщиков стачек» (Пушкарева 2011: 119, 228). Несмотря на угрозы и репрессии, в стране продолжали появляться союзы, кружки и группы, объединявшие наемных работников (Туманова 2019: 167). В конце 1890-х гг. насчитывалось около 150 рабочих союзов (по сравнению с 54 в 1895 г.), при этом 80 % из них были марксистскими. Полиция не оставила без внимания создание в марте 1898 г. в Минске

на одной из нелегальных встреч девяти социал-демократов Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), событие, позднее получившее название Первого съезда РСДРП.

Промышленный кризис, начавшийся в 1899 г. тяжело ударил по рабочим. Реализация закона 1897 г. о сокращении рабочего дня была приостановлена. Предприниматели предлагали невыгодные условия труда, замораживали выплаты и увеличивали штрафы. Одновременно повсеместно росли цены. Рабочие опасались выдвигать требования и прекращать работу (Кириянов 1979: 88, 122, 151). Забастовки происходили лишь на крупных производствах в Петербурге, Варшаве, Вильне, Риге, Киеве, Одессе (РД-5 1899: 9–16), где марксисты пытались разъяснить рабочим неизбежность «классовой борьбы» и невозможность «классового мира» (Иванов 1970: 355). Фабричная инспекция отмечала «деятельное сочувствие» со стороны рабочих к инициаторам забастовок (Варзар 1905: 9) и осознавала необходимость срочных уступок для снижения социальной напряженности.

Маневры «полицейского социализма» как элемент социальной политики

Недовольство властями, игнорировавшими интересы большинства населения, объединило в уличных шествиях рабочих и городскую молодежь, возмущенную «временными правилами» 1899 г., которые позволяли отправлять студентов в армию (Пушкарёва 2011: 119). Экономический кризис способствовал сплочению и стихийной самоорганизации рабочих. Предвосхищая возможные первомайские протесты, ведомство С. Ю. Витте 6 марта 1900 г. издало циркуляр фабричным инспекторам с предписанием «принять меры» для «устранения останковки» предприятий (РГИА). Однако маевки 1900 г. все же состоялись в 26 губернских и уездных городах и населенных пунктах России (РД-6 1900: 406). Рабочее движение в стране вступило в стадию латентной радикализации, формируя новые формы коллективных действий и проявляя стремление к более организованному протесту.

Это подтвердила первая общегородская маевка в Харькове (Tarrow 1988: 421–440). На фоне так называемых оборонительных экономических стачек, вызванных ухудшением условий труда, она продемонстрировала переход к массовой политической борьбе с требованиями демократических свобод и 8-часового рабочего дня (РД-5 1899: 9; РД-6 1900: 406). Следом за ней состоялась одна из самых известных первомайских стачек — Обуховская оборона 1901 г. в Петербурге. Забастовка началась как экономическая, но переросла в ожесточенное сопротивление: рабочие, заблокированные полицией на территории завода, превратили его в «осажденную крепость», закидывали стражей порядка камнями и настаивали на рассмотрении своих требований.

По итогам противостояния, несмотря на увольнение 120 участников стачки, 12 из 14 выдвинутых требований были выполнены: Первое мая

включили в число нерабочих дней, подтвердили 8-часовой рабочий день, отменили ночные смены и повысили расценки. Жалобщиков рекомендовали вновь принимать на работу во избежание производственных убытков (РД-7 1901: 8, 113, 130). Однако требование учредить на заводе Совет выборных представителей рабочих было отклонено — власти не собирались передавать функции социальной защиты трудящихся выборному органу (Дякин 1972: 238).

За год количество трудовых конфликтов в России увеличилось на 28 % по сравнению с 1900 г., а число их участников — на 41 % (РД-7 1901: 15). Десятки тысяч рабочих участвовали в нестачечных формах протеста, которые вынуждали промышленников вызывать полицию и воинские гарнизоны (до 100 случаев за тот год). Рабочие считались наиболее спокойной частью общества, а студенты занимали второе место по уровню протестной активности. Министерские межведомственные комиссии, обязанные заниматься социальной политикой и предотвращением беспорядков, регулярно рассматривали докладные записки о стачках. Летом 1901 г. активизировалась деятельность Рабочей комиссии Министерства финансов, которая осудила «грубое вмешательство» полиции в индустриальные конфликты, но отвергла идею легализации стачек. Витте, критикуя «излишнюю полицейскую опеку», объяснял причины протестов влиянием «злонамеренных агитаторов» и считал необходимым смягчить ситуацию путем «уступок» и усиления попечительства (Вовчик 1964: 90,95).

Попечительская политика нашла отражение в действиях министра МВД Д. С. Сипягина, который выделил дополнительные средства на реализацию инициативы полковника С.В. Зубатова — создание легальных рабочих организаций в губерниях с высокой забастовочной активностью (Пушкарева 2011: 64). Идея С. В. Зубатова, получившая название «полицейский социализм», предполагала контроль за потенциальными стачечниками: «Там, где пристраивается революционер, должна быть государственная полиция». В рамках проекта создано «Общества взаимного вспомоществования в механическом производстве», популярное среди рабочих благодаря кассам взаимопомощи (Сухоруких 2013). К концу 1901 г. зубатовские общества получили широкое распространение. В библиотеках и чайных, организованных для рабочих, проводились беседы с критикой марксизма (Медведев 2010). Однако промышленники настороженно относились к таким организациям и требовали освободить их от ответственности за больницы, школы, жилье и кассы для рабочих. Они упрекали правительство в следовании «западным образцам» и предлагали опираться на традиционные формы попечительства «выработанные народной жизнью» (Озеров 1906: 275–278).

В 1901 г. владелец московского завода, француз Ю. П. Гужон, выразил возмущение поддержкой стачечников со стороны зубатовских организаций. Его жалоба, наряду с обращениями других предпринимателей, обеспокоенных

«полицейским покровительством» забастовщикам, была направлена в правительство. После убийства Д. С. Сипягина 2 апреля 1902 г. террористом и назначения В. К. Плеве на пост министра внутренних дел, идея С. В. Зубатова признана дискредитированной. Согласно принятому «Положению об усиленной охране», которое охватило 30 млн жителей России (Центральный регион, Поволжье, Украину, Молдавию, Закавказье, Прибалтику и Урал) (РД-8–2 1902: 833), причастные к организации стачек и демонстраций подлежали немедленной высылке из города. Спустя год Зубатов снят с должности и сослан во Владимир. Его эксперимент с «полицейским социализмом» завершился, уступив место разрастающемуся рабочему движению (РД-8–1 1902: 11).

С 1902 г. стачки стали отличаться большим упорством и продолжительностью, нередко достигая двух–трех недель, при этом 49 % из них завершались победой рабочих (РД-8–1 1902: 23). Учрежденная в 1900 г. фабричная полиция не справлялась с контролем возросшей забастовочной активности. Подчеркивая смысл термина «стачка» (от «стакать» — договариваться), представители рабочей партии отмечали выраженную склонность рабочих к коллективизму: «в праздники их тянет в народ, на улицу» (Смидович 1930: 28).

Применение военной силы предпринимателями подрывало доверие рабочих к власти. Агитаторы из РСДРП призывали рабочих обращаться к ним с изложением насущных нужд и жалоб (Амвросий 1903: 10). Однако представление о российском рабочем классе того времени как лидере в организации всех демократических сил было бы преувеличением. Советская историография зачастую обходила вниманием факты, свидетельствовавшие о сложности противостояния между предпринимателями и рабочими, а также о попытках властей продумать социальные меры защиты для предотвращения насилия и умирения недовольства. Кроме того, многие рабочие слабо воспринимали политические лозунги: «толпы народа плохо понимали речи ораторов» (Сборник 3 1925: 49, 114). Очевидцы стачек отмечали, что «значительная часть рабочих относится крайне враждебно к политической агитации», а некоторые даже угрожали вернуться к работе, если их будут «запутывать в политику» (Искра 1902: 3–5). Следуя распоряжению В. К. Плеве, власти начали обещать наиболее сговорчивым бастующим поощрения за лояльность.

Рабочее движение то вспыхивало, то затухало, что объяснялось изменчивостью социально-экономической и политической обстановки (Бовыкин и др. 1986). В попытках сдержать рост числа стачек и количества участников протестов чиновники Министерства финансов продвигали идею «ассоциаций» рабочих и предпринимателей по примеру европейских стран. Однако эта инициатива была отвергнута С. Ю. Витте, поскольку, по его мнению, не обеспечивала «сбалансированности с общественным порядком» (Вовчик 1964: 205). Витте также не принимал предложения о реорганизации фабричной инспекции с передачей ее функций Департаменту полиции.

Усиление «энергетического заряда» в рабочем движении: ответ на убогость социальной политики

На события начала 1903 г. власти ответили ужесточением законодательства: 22 марта в «Уголовное уложение» внесены дополнительные статьи о самовольном оставлении работы и подстрекательстве к этому других. Экономический кризис совпал с неурожаями, которые гнали в города тысячи людей в поисках заработка. Относительно благополучными оставались лишь металлургическая и каменноугольная промышленности, а также частично нефтяная отрасль, поддерживаемая иностранными банками. Предприятия этих отраслей привлекали безработных, однако их владельцы не заботились о создании сносных условий труда и быта рабочих. Весна 1903 г. ознаменовалась крупными коллективными стачками, до 3,5–5 тыс. участников. Майские события того же года переместили центр рабочего движения на юг страны, где протесты приобрели массовый характер.

Майские дни 1903 г. в Одессе, Екатеринославе, Киеве и Закавказье сопровождались многолюдными уличными шествиями рабочих и представителей демократических слоев города (РД-9–1 1903: 150). Спад протестной активности наступил лишь летом, с началом массового отхода рабочих в деревню на полевые работы. Бакинская стачка июля 1903 г. стала «пороховой бочкой» для всего региона: начавшись первого июля, она объединила рабочих машиностроительных и нефтяных заводов с сезонными работниками и приобрела наступательный характер. Уже седьмого июля бастующих поддержали представители других профессий, и общее число участников превысило 28 тыс. чел. Союз нефтепромышленников был вынужден пойти на уступки (РД-9–1 1903: 218).

Одновременно с Баку начались забастовки в Одессе, Тифлисе, Батуми и Киеве, что позволило советской историографии объединить их под названием «*всеобщая стачка Юга России*». Уменьшить напряженность среди стачечников можно было за счет уступок, но власти на них не пошли (Невский 1933: 144). Попытки обосновать наличие связи между числом организаций РСДРП и масштабами стачечного движения в городах России в 1903 г. приводят к выводу об отсутствии такой корреляции (Пушкарева 2011: 156–157), хотя это не исключает попыток социал-демократов повлиять на рабочих (Туманова 2019: 456). Если бы социальная политика властей была более продуманной, социал-демократы могли бы вовсе не получить возможностей для расширения своей агитации.

Американский историк Р. Зелник, отмечая безуспешность усилий предпринимателей в снижении недовольства рабочих и игнорирование правительством проблем лиц наемного труда, задавался вопросом: могла ли левая интеллигенция «избавить» рабочие массы от их естественной политической умеренности и не допустить их радикализации? Однако он сам дал отрицательный ответ. Анализ контактов рабочих групп и союзов

с различными партиями убедило его, что приоритет сохраняла именно партия рабочего класса, несмотря на случайный характер взаимодействий с отдельными группами (Зелник 2007: 98).

Советская литература годами формировала романтические представления о стачках и революциях, опуская реальные переживания современников тех событий. Визуальные источники помогают приоткрыть эту сторону истории повседневности. Редкие фотографии, газетные заметки и воспоминания свидетельствуют о том, что во время всеобщих стачек в городах на несколько дней прекращалась работа конок, трамваев, городских коммуникаций, электростанций, учреждений, торговых заведений, а также подача питьевой воды. Картина улиц в эти дни — разбитые витрины закрытых магазинов, нехватка продуктов. Высыпавшие на улицы обыватели нередко воспринимали происходящее с непониманием, так как задерживалась отправка железнодорожных поездов и морских судов, останавливалась работа фабрик и шахт. Уволенные рабочие втягивали сомневающихся в уличные собрания и митинги. Народ, вышедший на шествия, мог слушать революционные призывы, не вникая в их содержание и зачастую не испытывая сочувствия к ораторам. Революционные газеты и листовки сообщали о 110–140 тыс. участников всеобщих стачек, подразумевая, вероятно, всех, кто оказался на улицах (Пушкарёва 2011: 197–101).

Шествия имели значительное социально-интегрирующее значение. Семантически связанные с праздным времяпровождением, они предоставляли возможность разделить радость свободы с товарищами и одновременно способствовали политическому просвещению участников. Агитация социал-демократов приобщала рабочих к политике и учила их формулировать новые вольнолюбивые лозунги: «Да здравствует свобода стачек!», «Долой губернаторов и всех чиновников-холопов!». Либерал Петр Бернгардович Струве, который в молодости активно сочувствовал РСДРП, отмечал, что события, охватившие юг России в 1903 г., — «не есть простая цепь забастовок», но «крупное политическое движение», отражающее напряженное «настроение трудящихся масс», которое на следующий день может принять иную форму (Невский 1933: 144). С начала июля и до конца августа 1903 г. для подавления всеобщих стачек на юге России полиция и солдаты выезжали на место не менее ста раз, а казачьи части привлекались к усмирению порядка 30 раз, задействовав почти 20 тыс. чел.

Эхом летних стачек рабочих Юга стало появление новых очагов протеста осенью 1903 г. Эти выступления вливались в общий протестный поток 1900–1904 гг, на который пришлось 74% всех коллективных выступлений за десятилетие. Коллективизм стачечников поддерживался нелегальной печатью: «Вся Россия проснулась! Нет теперь ни одного уголка в нашем обширном отечестве, где бы не раздавался протест против самодержавного произвола!» (Листовки 1963: 607).

Данные подтверждают масштаб протестов: пять тыс. трудовых конфликтов 1900–1903 гг., охвативших почти миллион человек (934,7 тыс.),

из коих половина (467,8 тыс.) фабрично-заводскими рабочими, свидетельствовали о приближении массового восстания против правительства (Листовки 1939: 57). В стране, где полицейскими методами подавлялись любые попытки гражданского объединения, протест против самодержавного произвола ускорял рост числа политических стачек. Чтобы сдержать нарастающий протестный потенциал рабочих, власти рассчитывали на «маленькую победоносную войну» с Японией (В. К. Плеве), но этот план провалился. События на Дальнем Востоке мало волновали российских рабочих, которые продолжали свои выступления в 16 губерниях и областях (Пушкарёва 2011: 60, 69). Наличие 37 крупных коллективных трудовых конфликтов в России 1904 г. убедительно свидетельствовало о подъеме рабочего движения. Слухи о военных поражениях в конце того года вывели на улицы крупных городов не только рабочих, но и студентов, и служащих.

В «верхах» усилились упреки правительству в неспособности прогнозировать вспышки социальных возмущений (Тихомиров 1930: 59). Был подготовлен проект Указа Сенату, который предусматривал «устройство» условий труда и быта фабрично-заводских рабочих путем создания согласительных комиссий из представителей администрации и рабочих, разрешение «рабочих товариществ и союзов», пересмотр норм сверхурочных работ, сокращение рабочего дня, подготовку закона о страховании и смягчение правовых норм, карающих забастовщиков. Однако все эти меры были проигнорированы в Указе от 12.12.1904 г., который лишь допускал «возможность обсуждения вопроса о государственном страховании» рабочих после окончания войны. Недовольство этим решением стало причиной забастовки в Баку, начавшейся 13 декабря 1904 г. на семи крупных нефтяных промыслах. Простояв две недели, рабочие 30 декабря представили текст первого в истории России коллективного договора между рабочими и предпринимателями, выработанного стачечным комитетом. Бакинская стачка завершилась победой: нефтепромышленники были вынуждены согласиться на 20%-ную прибавку к зарплате, оплату больничных, отмену обысков и введение 9-часового рабочего дня (РД-10 1904: 155).

Анализ архивного и библиографического материала раскрыл суть механизма массового рабочего движения и концепта спонтанной организованности — реакции на половинчатость и нередко откровенную безграмотность социальной политики властей (Koenker, Rosenberg 2016: 7). Тысячи трудовых конфликтов стали основой для городских, профессиональных и региональных стачек, участников которых объединяли социально значимые цели и солидарность в их достижении.

Массовость несогласия способствовала превращению протеста в обсуждаемое явление благодаря демонстративным формам — митингам, уличным шествиям, демонстрациям. Получив отклик в публичной сфере,

рабочее протестное движение заявило о себе как о важнейшей доминанте в социально-экономической и политической жизни страны. Оно стало триггером революции и показало бессилие и ограниченность мероприятий, направленных на улучшение качества и уровня жизни многомиллионной группы наемных работников. Без учета сложной взаимосвязи между неэффективной социальной политикой царизма и протестными выступлениями рабочих невозможно полноценно понять политические предпосылки первой русской революции 1905–1907 гг.

Выражение признательности

Подготовлено в рамках НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования городской и сельской повседневности: историко-антропологическая перспектива»

Список сокращений

РГИА – Российский государственный исторический архив – Ф. 22. Оп. 30. Д. 7. Л. 135.

РД – Пушкарева И. М., Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И. и др. (ред.) (1992–2008) *Рабочее движение в России. Хроника*. М.

РД-2 (1994) Вып. 2. 1896 год. СПб.: БЛИЦ.

РД-3 (1995) Вып. 3. 1897 год. СПб.: БЛИЦ

РД-5 (1998) Вып. 5. 1899 год. СПб.: БЛИЦ.

РД-6 (1999) Вып. 6. 1900 год. СПб.: БЛИЦ.

РД-7 (2000) Вып. 7. 1901 год. СПб.: БЛИЦ.

РД-8 (2002) Вып. 8. Ч. 1–2. 1902 год. М.– СПб.: БЛИЦ (Ч. 1, 2).

РД-9 (2005) Вып. 9. 1903 год (Ч. 1–4). М.– СПб.: БЛИЦ.

РД-10 (2008) Вып. 10. 1904 год (Ч. 1, 2, 3) М.– СПб.: БЛИЦ.

Материалы для анализа

Амвросий (1903) *Правда о ростовских стачках*. Штутгарт: «Лига».

Варзар В. Е. (сост.) (1905) *Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах*. СПб.: Тип. В. Киршбаума.

Искра (1902) № 29. 1 декабря.

Листовки (1963) *Листовки революционных с. = д. организаций Украины. 1896–1904*. Киев: Госполитиздат.

Листовки (1939) *Листовки петербургских большевиков. 1902–1917. Т. 1*. М.: Госполитиздат.

- Невский В. И. (1933) Летние стачки 1903 г. *Борьба классов*, (8–9): 140–144.
- Озеров И. Х. (1906) *Политика по рабочему вопросу в России за последние годы*. М.: т-во И. Д. Сытина.
- Проект Уложения (1871) *О наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений*. Санкт-Петербург: тип. 2 Отд-ния Собств.е.и. в. канцелярии. Ст. 1358, 1358/1, 1359.
- Сборник 3. (1925) *Комиссия по изучению истории профессионального движения на железнодорожном транспорте*. М.-Л.: Истпрофтран.
- Тихомиров Л. А. (1930) 25 лет назад: Из дневника Л. Тихомирова. *Красный архив*. Т. 1: 16–21.
- Туган-Барановский П.И. (1997) *Русская фабрика в прошлом и настоящем*. М.: Наука.
- Янжул И. И. (1907) *Из воспоминаний переписки фабричного инспектора первого призыва*. СПб.: АО Брокгауз-Ефрон

Список источников

- Бовыкин В. И., Бородкин Л. И., Кирьянов Ю. И. (1986) Стачное движение в России в 1895–1913 годы. *История СССР*, (3): 46–57.
- Бородкин Л. И., Валетов Т. Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И. В. (2010) *«Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих текстильщиков дореволюционной России*. М.: РОССПЭН.
- Вовчик Л. Ф. (1964) *Политика царизма по рабочему вопросу (1895–1904 гг.)*. Львов: Львовский университет.
- Данилова Л. В., Данилов В. П. (1996) Крестьянская ментальность и община. В. П. Данилов, Л. В. Милов (ред.) *Менталитет и аграрное развитие России*. М.: РОССПЭН: 22–39.
- Дякин В. С. (ред.) (1972) *История рабочих Ленинграда*, Т. 1. М.-Л.: Наука.
- Зелник Р. (2007) Русские рабочие и революционное движение. Е. Евтухова, Н. Н. Смирнов (ред.) *Личность, протест, история*. СПб.: Нестор-история: 87–98.
- Иванов Л. М. (1970) Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии. *Российский пролетариат. Облик, борьба, гегемония*. М.: Наука: 317–355.
- Карусева И. М. (2016) *Легальные организации рабочих Петербурга в конце XIX – начале XX в.* СПб.: Алетейя.
- Кирьянов Ю. И. (1979) *Жизненный уровень рабочих России*. М.: Наука.
- Медведев С. В. (2010) *Департамент полиции и рабочий вопрос (1901–1904 гг.)*. Дисс. к. и. н., М.
- Михайлов Н. В. (2009) Рабочие и российское общество в конце XIX – начале XX в. В. Н. Гинев, С. В. Беспалов, В. А. Нардова (ред.) *Революционный процесс и общественное сознание*. СПб.: Лики России: 27–30.

Пушкарёва И. М. (ред.) (2011) *Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв.* СПб.: Алетейя.

Пушкарёва И. М. (1975) *Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях.* М.: Наука.

Пушкарёва И. М., Пушкарёва Н. Л. (2004) «Новая рабочая история» в зарубежной историографии. *Социальная история* 2001–2002. М.: РОССПЕН: 47–69.

Смидович П. Г. (1930) *Рабочие массы в 90-х годах.* М.: Молодая гвардия.

Соколов А. К. (1998/1999) Социальная история России новейшего времени. *Социальная история.* М.: РОССПЕН: 40–76.

Сухоруких А. В. (2013) «Полицейский социализм» в России в начале XX века. Воронеж.

Туманова А. С. (2019) *Общественные организации в России.* М.: Проспект.

Koenker D., Rosenberg W. (2016) *Strikes and Revolution in Russia, 1917.* Princeton: Princeton Legacy Library.

Tarrow S. (1988) National Politics and Collective Action. *Annual Review of Sociology*, (14): 421–440.

Tilly Ch. (1978) *From Mobilization to Revolution.* Englewood (NJ): Addison-Wesley.

ONCE AGAIN ON SOCIAL POLICY IN RELATION TO WAGE WORKERS AND THE LABOR QUESTION IN RUSSIA AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

The article is dedicated to the history of the labor question in Russia at the turn of the 19th-20th centuries. The empirical material includes statistical data from the early 20th century collected by the Ministry of Finance inspector Vasily Varzar, as well as information compiled in the 'Chronicle of the Labor Movement 1894–1904,' a secondary source prepared by a team of authors from the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences under the editorship of one of the authors of the article and published at the end of the Soviet era. Comparison of early twentieth century materials with updated data has revealed distinctive features of the authorities' response to industrial disputes over a century ago. The authors aim to show how the inability of the authorities to consider the interests of wage workers, together with other factors, contributed to the escalation of industrial disputes into strikes and other protest actions, such as rallies, marches, and the dissemination of propaganda literature. Particular attention is paid to the role of legislation and proto-institutions that could potentially represent workers' interests. Comparison of the data from the 'Chronicle of the Labor Movement' with information on the government's attempts to resolve the labor question peacefully confirms the conclusion that, at the turn of the century, the concept of a tripartite agreement between the state, employers, and workers' organizations was not even on the table. The refusal of officials to compromise triggered the mechanism of revolutionary overthrow. The analysis of statistical material reveals the essence of the concept of spontaneous organization within the Russian mass movement as a reaction to the inconsistency and incompetence of the authorities in the field of social policy. Thousands of labor disputes served as the basis for urban, professional, and regional strikes, uniting participants around socially significant goals and solidarity. By resonating in the public sphere, the workers' protest movement became an important dominant force in the socio-economic and political life of the country, acting as a trigger for the revolution and demonstrating the limits of measures aimed at improving the living conditions of millions of wage workers.

Key words: russian labor issue, protest movement in the 19th-20th centuries, strikes and labor disputes, social policy, history of wage labor

Natalya Pushkareva— Dr. Sci. (Histor.), Chief Research Fellow at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (IEA RAS), Moscow, Russian Federation. Email: pushkarev@mail.ru

Irina Pushkareva— Dr. Sci. (Histor.), Senior Research Fellow at the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (IRI RAS), Moscow, Russian Federation. Email: pushkarevy@mail.ru

Citation: Pushkareva N., Pushkareva L. (2025) Eshche raz o sotsial'noy politike v otnoshenii naemnykh rabotnikov i rabochem voprose v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Once Again on Social Policy in Relation to Wage Workers and the Labor Question in Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (1): 167–184.

DOI: 10.17323/727-0634-2025-23-1-167-184

Acknowledgment

Prepared within the framework of the research work of the Institute of Ethnology at the Russian Academy of Sciences 'Gender studies of urban and rural everyday life: historical and anthropological perspective'

References

- Borodkin L. I., Valetov T. Ya., Smirnova Yu.B., Shil'nikova I.V. (2010) *'Ne rublem yedinyim': trudovyye stimuly rabochikh tekstil'shchikov dorevolutsionnoy Rossii* ['Not by the Ruble Alone': Labor Incentives of Textile Workers in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: ROSSPEN.
- Bovykin V. I., Borodkin L. I., Kiryanov Yu.I. (1986) *Stachechnoye dvizheniye v Rossii v 1895–1913 gody* [Strike Movement in Russia in 1895–1913]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], (3): 46–57.
- Danilova L. V., Danilov V. P. (1996) Krest'yanskaya mental'nost' i obshchina [Peasant Mentality and Community]. In: V. P. Danilov, L. V. Milov (eds.) *Mentalitet i agrarnoye razvitiye Rossii* [Mentality and Agrarian Development of Russia]. Moscow: ROSSPEN: 22–39.
- Dyakin V. S. (ed.) (1972) *Istoriya rabochikh Leningrada* [History of the Workers of Leningrad], Vol. 1. Moscow–Leningrad: Nauka.
- Ivanov L. M. (1970) Ideologicheskoye vozdeystviye na proletariat tsarizma i burzhuazii [Ideological Impact of Tsarism and the Bourgeoisie on the Proletariat]. *Rossiyskiy proletariat. Oblik, bor'ba, gegemoniya* [Russian Proletariat. Appearance, Struggle, Hegemony]. Moscow: Nauka: 317–355.
- Karuseva I. M. (2016) *Legal'nyye organizatsii rabochikh Peterburga v kontse XIX – nachale XX v.* [Legal Organizations of Workers of St. Petersburg in the Late XIX – Early XX cc]. Saint-Petersburg: Nauka.
- Kiryanov Yu.I. (1984) *Zhiznennyy uroven' rabochikh Rossii* [The Standard of Living of Workers in Russia]. Moscow.
- Koenker D., Rosenberg W. (2016) *Strikes and Revolution in Russia, 1917*. Princeton: Princeton Legacy Library.
- Medvedev S. V. (2010) *Departament politsii i rabochiy vopros (1901–1904 gg.)* [Police Department and the Labor Question (1901–1904)]. Diss. Cand. Sci. (Hist.). Moscow.
- Mikhailov N. V. (2009) *Rabochiye i rossiyskoye obshchestvo v kon. XIX – nach. XX v.* [Workers and Russian Society in the Late XIX – Early XX cc.]. In: V. N. Ginev, S. V. Bespalov, V. A. Nardova (eds.) *Revolutsionnyy protsess i obshchestvennoye soznaniye* [Revolutionary Process and Public Consciousness]. SPb: Liki Rossii: 27–30.

Pushkareva I. M. (1975) *Zheleznodorozhniki Rossii v burzhuazno-demokraticeskikh revolyutsiyakh* [Railway Workers of Russia in the Bourgeois-Democratic Revolutions]. Moscow: Nauka.

Pushkareva I. M. (ed.) (2011) *Trudovyye konflikty i rabocheye dvizheniye v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* [Labor Conflicts and the Labor Movement in Russia at the Turn of the XIX–XX Centuries]. Saint-Petersburg: 'Aleteja.'

Pushkareva I. M., Pushkareva N. L. (2004) 'Novaya rabochaya istoriya' v zarubezhnoy istoriografii ['New Workers' History' in Foreign Historiography]. *Sotsial'naya istoriya 2001–2002* [Social History 2001–2002]. Moscow: ROSSPEN: 47–69.

Smidovich P. G. (1930) *Rabochiye massy v 90-kh godakh* [The Working Masses in the 90s]. Moscow: Molodaj gvardia.

Sokolov A. K. (1998/1999) Sotsial'naya istoriya Rossii noveyshego vremeni [Social History of Russia in Modern Times]. In: *Sotsial'naya istoriya* [Social History]. Moscow: ROSSPEN: 40–76.

Sukhorukikh A. V. (2013) 'Politseyskiy sotsializm' v Rossii v nachale XX veka ['Police Socialism' in Russia at the Beginning of the Twentieth Century]. Voronezh.

Tarrow S. (1988) National Politics and Collective Action. *Annual Review of Sociology*, (14): 421–440.

Tilly Ch. (1978) *From Mobilization to Revolution*. Englewood (NJ): Addison-Wesley.

Tumanova A. S. (2019) *Obshchestvennyye organizatsii v Rossii* [Public Organizations in Russia]. Moscow: Prospect.

Vovchik L. F. (1964) *Politika tsarizma po rabochemu voprosu (1895–1904 gg.)* [Tsarism's Policy on the Labor Issue (1895–1904)]. Lvov: Lvovski Universitet.

Zelnik R. (2007) Russkiye rabochiye i revolyutsionnoye dvizheniye [Russian Workers and the Revolutionary Movement]. In: E. Evtukhova, N. N. Smirnov (eds.) *Lichnost', protest, istoriya* [Personality, Protest, History]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoria: 87–98.